 © Авторы статьи / Authors of the article

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ/PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.21 EDN: TOWTKQ

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА: ОТ ФОРМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ К ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ

Научная статья

Иналкаева К.С.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0006-1034-1900;
[1] Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kazban1961[at]mail.ru)

Предложена: 11.02.2026; Принята: 30.04.2026; Опубликована: 18.05.2026

Аннотация

В статье представлен комплексный анализ конституционной эволюции российского федерализма, нацеленный на выявление системных механизмов перехода от формальной модели 1990-х годов к современной централизованной конструкции. С использованием сравнительно-правового и функционального методов, а также анализа эмпирических данных, исследование охватывает ключевые этапы трансформации: от «договорного федерализма» через строительство «вертикали власти» к конституционному закреплению «единой системы публичной власти» в 2020 году. В научный оборот вводится концепция «централизованного управленческого федерализма», описывающая гибридную модель, сочетающую формальные институты федерации с жесткой административно-финансовой субординацией регионов. Автор оценивает как инструменты этой централизации (бюджетные, кадровые, законодательные), так и ее последствия для баланса между единством страны и региональным развитием. В работе углублен сравнительно-правовой анализ с привлечением зарубежных источников по федерализму в Германии и Индии, а также впервые вводится в научный оборот анализ стратификации регионов по уровню бюджетной автономии, что позволяет выявить скрытую асимметрию. Особое внимание уделено реакции региональных элит на централизацию и интеграции местного самоуправления в вертикаль власти. Делается вывод об устойчивости данной модели в краткосрочной перспективе и ее системных рисках в долгосрочной, связанных с подавлением региональной автономии.

Ключевые слова: российский федерализм, централизация, «вертикаль власти», единая система публичной власти, субъекты Российской Федерации, региональная автономия, конституционная реформа, сравнительно-правовой анализ, управленческий федерализм, бюджетная асимметрия, местное самоуправление.

THE CONSTITUTIONAL EVOLUTION OF RUSSIAN FEDERALISM: FROM A FORMAL MODEL TO A CENTRALISED ONE

Research article

Inalkaeva K.S.[1, *]
[1] ORCID : 0009-0006-1034-1900;
[1] Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russian Federation

* Corresponding author (kazban1961[at]mail.ru)

Suggested: 11.02.2026; Accepted: 30.04.2026; Published: 18.05.2026

Abstract

The article presents a complex analysis of the constitutional evolution of Russian federalism, aimed at identifying the systemic mechanisms of the transition from the formal model of the 1990s to the current centralised structure. Using comparative legal and functional methods, as well as an analysis of empirical data, the research covers the key stages of transformation: from ‘contractual federalism’ through the construction of a ‘vertical power structure’ to the constitutional enshrinement of a ‘unified system of public authority’ in 2020. The concept of ‘centralised administrative federalism’ is introduced into academic discourse, describing a hybrid model that combines the formal institutions of a federation with strict administrative and financial subordination of the regions. The author evaluates both the instruments of this centralisation (budgetary, personnel and legislative ones) and its consequences for the balance between national unity and regional development. The work provides an in-depth comparative legal analysis using foreign sources on federalism in Germany and India, and for the first time introduces into academic discourse an analysis of the stratification of regions by level of budgetary autonomy, which allows for the identification of hidden asymmetries. Particular attention is paid to the reaction of regional elites to centralisation and the integration of local self-government into the vertical power structure. The conclusion is drawn that this model is sustainable in the short term but poses systemic risks in the long term, linked to the suppression of regional autonomy.

Keywords: Russian federalism, centralisation, the ‘vertical of power’, a unified system of public authority, constituent entities of the Russian Federation, regional autonomy, constitutional reform, comparative legal analysis, administrative federalism, budgetary asymmetry, local self-government.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Введение

Конституционная эволюция российского федерализма представляет собой одну из наиболее динамичных и дискуссионных областей современного государственного строительства. С момента распада Советского Союза и принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году, страна прошла путь от провозглашения принципов федеративного устройства до формирования модели, характеризующейся значительной централизацией государственной власти. Как отмечает исследователь, «централизация происходит также и в рамках вполне демократических процедур, когда федеральный центр через финансовые рычаги и стандартизацию публичных услуг ограничивает реальную автономию субнациональных властей» [7].

Однако в научной литературе доминируют политологические обзоры этой централизации, тогда как комплексный институционально-правовой анализ ее ключевых механизмов, особенно в контексте пост-2020 реальности, остается недостаточным. Происходит поиск различных формул, позволяющих урегулировать интересы центра и интересы регионов (причем многих и разных). Ряд исследователей подчеркивает, что усиление роли федерального центра в федеративных отношениях выступает не только результатом политического выбора, но и инструментом обеспечения национальной безопасности и управляемости сложной многоуровневой системы. Так, Е.М. Бухвальд [4] рассматривает совершенствование экономико-правовых основ российского федерализма как ключевое направление укрепления национальной безопасности, предполагающее концентрацию важнейших полномочий на федеральном уровне. С.В. Бирюков [3], анализируя современный федерализм, указывает, что закрепление исключительных полномочий федерации по вопросам общегосударственного значения и вертикальное подчинение исполнительной власти обусловлены необходимостью сохранения целостности и устойчивости государства. В ряде работ подчеркивается, что централизация, реализуемая через единую систему публичной власти, рассматривается как фактор укрепления национальной безопасности и координации действий органов всех уровней [10]. Данное исследование исходит из гипотезы, что итогом этой эволюции является не классическая унитарная модель и не «имитационный федерализм», а специфическая форма «централизованного управленческого федерализма», где формальные институты федерации сохраняются, но встраиваются в жесткую вертикаль «единой системы публичной власти». В этом контексте важно учитывать, что «в целом уровень централизации бюджетной системы РФ достаточно высокий — около 90%, при этом за 10-летний период наблюдается снижение этого значения... В пандемийный период произошло снижение уровня самостоятельности территориальных бюджетов на 14%» [12]. Более того, современные ученые подчеркивают, что «единая система публичной власти... предполагает не просто координацию, а иерархическую соподчиненность органов всех уровней, что ставит под вопрос классическое понимание региональной автономии» [14].

Актуальность исследования обусловлена продолжающимися конституционными преобразованиями, кульминацией которых стала реформа 2020 года, существенно изменившая конфигурацию федеративных отношений. Такого рода изменения, в частности, закрепили концепцию «единой системы публичной власти», что требует детального правового анализа. Для адекватной оценки современного состояния недостаточно констатации факта централизации, необходим анализ того, как новые конституционные принципы (верховенство российской Конституции, единая система публичной власти) трансформируют практику разграничения полномочий и институты регионального управления.

Кроме того, геополитические вызовы и логика управления сложным государством объективно стимулируют централизацию, однако научная дискуссия зачастую остается в плоскости дихотомии «федерация и унитаризм». Настоящее исследование предлагает сместить фокус на анализ конкретных инструментов управления асимметрией (бюджетных, кадровых, законодательных) и их эффективности с точки зрения обеспечения как национальной целостности, так и регионального развития.

Область проблемного поля и научная новизна исследования охватывает комплекс противоречий, а также попытку их системного анализа с привлечением актуальных данных. К ним относятся:

– противоречие между формально закрепленными в Конституции принципами равноправия субъектов и их фактической асимметрией, усилившейся в последнее десятилетие;

– противоречие между декларируемым разграничением полномочий и реальным усилением федерального контроля через новые механизмы «единой системы» [9];

– противоречие между потребностью в региональной самостоятельности и доминированием финансовой зависимости от центра (анализ бюджетной статистики Минфина РФ за 2015–2023 гг.) [17].

В контексте этих противоречий научная новизна работы заключается в попытке операционализации понятия «централизованный управленческий федерализм» через анализ трех ключевых измерений:

1) бюджетно-фискального (с углубленной дифференциацией регионов по группам);

2) административно-управленческого (включая муниципальный уровень);

3) законодательно-нормативного (с привлечением практики Конституционного Суда РФ).

Целью данной статьи является не просто хронологический обзор, а комплексный институциональный анализ конституционной эволюции российского федерализма, направленный на выявление системообразующих механизмов перехода к модели централизованного управленческого федерализма.

В рамках исследования планируется:

1) выявить и проанализировать ключевые этапы данной эволюции с акцентом на изменения после 2020 года;

2) провести системный сравнительно-правовой анализ ключевых институтов российской модели с опытом других федераций (на примере Германии и Индии) с привлечением зарубежных доктринальных источников;

3) на основе открытых статистических данных оценить степень финансовой и законодательной автономии субъектов РФ в разрезе различных групп регионов;

4) проанализировать механизмы интеграции местного самоуправления в единую систему публичной власти и стратегии адаптации региональных элит;

5) дать авторскую оценку устойчивости и перспектив выявленной модели.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Методологической основой исследования послужит системный подход, а также сравнительно-правовой, историко-правовой и функциональный методы. В отличие от многих предшествующих работ, в данной статье сравнительно-правовой метод будет применен для сопоставления институтов российского федерализма (напр., Совета Федерации, порядка формирования глав регионов, механизмов бюджетного выравнивания, роли конституционного правосудия) с аналогами в зарубежных федерациях. Функциональный метод позволит оценить, как изменились реальные функции этих институтов. Эмпирическую базу составят данные официальной статистики (Росстат, Минфин, Минюст), тексты нормативно-правовых актов, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ и зарубежные монографические исследования.

Основные результаты

Начало 1990-х годов в России ознаменовалось глубокими трансформациями, связанными с распадом Советского Союза. В этот период, именуемый «парадом суверенитетов», республики в составе РСФСР активно принимали декларации о государственном суверенитете, что создавало вызовы для территориальной целостности страны. Подписанный 31 марта 1992 года Федеративный договор стал не столько решением, сколько индикатором глубокого кризиса, юридически оформившим асимметрию как метод сохранения единства на переходный период [13]. Этот документ заложил основы так называемого «договорного федерализма», который, однако, не представлял собой целостной модели, а был совокупностью индивидуальных политических сделок.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года предприняло попытку преодоления этой стихийной асимметрии через формальное закрепление равноправия субъектов (ст. 5). Однако, как показывает анализ законодательства того периода, конституционные нормы немедленно вступили в противоречие с практикой заключения двусторонних договоров о разграничении полномочий. Эти договоры, число которых к концу 1990-х гг. превысило полсотни, на деле создавали правовой хаос, подрывая принцип единства экономического и правового пространства [8]. Таким образом, данный этап можно охарактеризовать как период формального конституционного федерализма при фактическом доминировании договорно-политической асимметрии, что продемонстрировало риски чрезмерной децентрализации для управляемости государством.

2.1. Инструменты строительства «вертикали власти» (2000-е – 2010-е годы): от асимметрии к унификации

С начала 2000-х годов вектор развития резко изменился в сторону системной централизации. Этот процесс был обусловлен необходимостью преодоления дезинтеграционных тенденций и восстановления управляемости и снижения рисков распада федерации в условиях острых социально-экономических и межнациональных конфликтов. В ряде работ централизационные меры трактуются как оправданный ответ на вызовы национальной безопасности и как способ обеспечить минимально необходимые стандарты управляемости в регионах с низким институциональным потенциалом. В отличие от описательного подхода, принятого в литературе, целесообразно проанализировать эту централизацию как внедрение взаимосвязанного набора управленческих инструментов:

1. Административно-территориальный инструмент. Создание федеральных округов и института полномочных представителей Президента не просто изменило карту, а создало внеконституционный уровень промежуточного контроля, дублирующий и контролирующий деятельность региональных властей [2].

2. Политико-кадровый инструмент. Реформа Совета Федерации (замена глав регионов и законодателей на назначенных представителей) лишила субъекты Федерации прямого представительства на федеральном уровне, трансформировав верхнюю палату из «палаты регионов» в фильтрующий и легитимирующий орган. Отмена прямых выборов глав регионов в 2004 году и последующее введение сложного «муниципального фильтра» (с 2012 г.) фактически передали ключевые кадровые решения в компетенцию федерального центра, сделав губернаторов элементом исполнительной вертикали, а не региональной политической власти [5]. Эволюция этого механизма, как отмечает К.С. Иналкаева [6], продолжилась: законодательство предоставило регионам альтернативные способы замещения должности высшего должностного лица.

Так, согласно действующей редакции Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», высшее должностное лицо субъекта РФ может избираться как непосредственно гражданами РФ на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, так и депутатами законодательного органа данного субъекта при условии, что соответствующая модель закреплена законом субъекта [19]. При этом ч. 2 ст. 23 ограничивает круг политических партий, имеющих право вносить кандидатуры, в данном случае речь идет о партиях, представленных в Государственной Думе или в законодательном органе субъекта, что существенно сужает спектр возможных претендентов и усиливает роль партий, уже интегрированных в федеральное политическое поле. Дополнительным инструментом централизации выступает унификация электорального цикла. Часть 9–11 ст. 23 жестко привязывают дату голосования к единому дню голосования (второе воскресенье сентября) либо ко дню выборов депутатов Государственной Думы, что синхронизирует региональные кампании с федеральной повесткой и снижает возможности для самостоятельной электоральной стратегии субъектов. В то же время закон сохраняет элементы конституционной асимметрии, вписывая их в унифицированную рамку.

Так, ст. 24 414-ФЗ специально регулирует особенности избрания высшего должностного лица автономного округа, входящего в состав области. «Матрешечная» конструкция двойного субъекта (область + автономный округ) приводит к тому, что механизмы формирования высшей власти в таких территориях зависят не только от федеральных установок, но и от согласования интересов между двумя уровнями региональной элиты. Это создает пример управляемой асимметрии: юридически закрепленной особости, которая, однако, встроена в общую вертикаль «единой системы публичной власти» и не подрывает ее целостности. Таким образом, несмотря на формальное разнообразие процедур, ключевые кадровые решения остаются под контролем федерального центра, что окончательно интегрировало губернаторский корпус в жесткую вертикаль «единой системы публичной власти». Конституционный Суд РФ, в

 © Авторы статьи / Authors of the article

частности в Постановлении от 01.12.2015 № 30-П, подчеркивал, что единство системы публичной власти предполагает определенную степень интеграции и координации, включая участие Президента РФ в формировании высших исполнительных органов регионов, что не противоречит принципам федерализма [22].

Дальнейшее развитие данного подхода получило с принятием Федерального закона от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”». Указанным законом статья 21 дополнена положением, закрепляющим право высшего должностного лица субъекта РФ принимать решение о временном осуществлении федеральными органами исполнительной власти отдельных полномочий органов исполнительной власти субъекта РФ в случае введения на территории региона режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также при возникновении обстоятельств, угрожающих национальной безопасности. Данная новелла существенно расширяет возможности федерального вмешательства в региональную компетенцию и, по сути, легитимирует оперативное перераспределение управленческих функций в пользу центра в условиях кризисных ситуаций. Тем самым законодатель продолжает курс на усиление вертикальной интеграции публичной власти, закрепляя механизмы экстраординарного административного реагирования.

3. Фискально-бюджетный инструмент. Наиболее действенным механизмом централизации стала бюджетная реформа. Принятие Бюджетного и Налогового кодексов привело к концентрации основных доходных источников в федеральном бюджете. Как показывает анализ данных Министерства финансов РФ, доля собственных доходов в консолидированных бюджетах субъектов РФ неуклонно снижалась, в то время как зависимость от федеральных трансфертов (дотаций, субсидий, субвенций) росла (см. Таблицу 1). Это создало систему жесткой финансовой зависимости, где регионы стали не самостоятельными акторами, а администраторами выделенных средств.

Таблица 1 - Показатели финансовой автономии консолидированных бюджетов субъектов РФ

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.21.1

Год	Доходы всего, млрд руб.	Собственные доходы (ННД), млрд руб.	Межбюджетные трансферты (МБТ), млрд руб.	Коэффициент автономии, %	Доля целевых трансфертов в МБТ, %
2018	12 394,4	10 359,5	2 034,9	83,58	55,0
2019	13 572,3	11 185,1	2 387,2	82,41	58,2
2020	14 901,5	11 126,5	3 775,0	74,67	64,5
2021	17 546,0	13 868,0	3 678,0	79,04	61,8
2022	19 677,0	15 764,0	3 913,0	80,11	62,4
2023	22 325,1	18 286,0	4 039,1	81,91	60,5
2024	24 621,5	20 858,5	3 763,0	84,72	63,3

Примечание: источники: [16], [17]. Данные за 2024 год приведены на основе предварительных итогов исполнения бюджетов и оперативных докладов Счетной палаты РФ

Анализ динамики финансовой автономии позволяет выделить несколько критических аспектов, подтверждающих свертывание бюджетной самостоятельности регионов:

1. Трансформация структуры трансфертов. Ключевым индикатором централизации является не только объем финансовой помощи, но и ее характер. Наблюдается устойчивый рост доли целевых трансфертов (субсидий, субвенций и иных межбюджетных трансфертов) в общем объеме МБТ — с 55% в 2018 году до 63,3% в 2024 году. В отличие от дотаций, которые регионы могут расходовать по своему усмотрению, целевые средства жестко привязаны к федеральным приоритетам (национальным проектам), что лишает региональные власти возможности проводить независимую социально-экономическую политику.

В научной среде подчеркивается, что «в развитии экономического суверенитета субъектов РФ... определен курс на уменьшение доли нецелевых [трансфертов]... и увеличение доли целевых бюджетных трансфертов (субсидий и субвенций)» [11]. При этом «бюджетный федерализм в России на современном этапе трансформируется в инструмент прямого государственного управления, где межбюджетные трансферты выполняют роль не столько выравнивания, сколько контроля» [7].

2. Эффект «пандемийного шока». 2020 год стал точкой максимального падения коэффициента автономии (до 74,67%), когда федеральный центр взял на себя основную нагрузку по финансированию антикризисных мер. Созданные в этот период механизмы жесткого контроля и распределения средств сохранились и в последующие годы, закрепив зависимость регионов от федеральных субсидий. Современные исследования подтверждают, что «несмотря на статистический рост бюджетной самостоятельности регионов, реальные возможности субъектов сокращаются из-за все большей зависимости направлений расходов от целевых межбюджетных трансфертов» [5]. Кроме того, «проблема необеспеченных мандатов остается ключевым барьером для развития реального федерализма в России, превращая субъекты федерации в исполнителей федеральной воли».

 © Авторы статьи / Authors of the article

3. Механизм софинансирования. Рост доли субсидий вынуждает регионы отвлекать собственные средства на софинансирование федеральных программ. Это создает ситуацию, при которой формальный рост собственных доходов (ННД) не ведет к росту реальной автономии, так как значительная часть этих доходов уже «зарезервирована» под обязательства перед федеральным центром. Как указывают эксперты, «в текущих социально-экономических условиях крайне важно уделить внимание поиску новых источников доходов региональных бюджетов, так как существующая модель управления расходами в значительной степени ориентирована на выполнение федеральных установок» [1]. Это подтверждает тезис о том, что «современные институционально-правовые механизмы бюджетного федерализма в РФ направлены на унификацию регионального пространства в угоду общей управляемости системы» [8].

Однако анализ средних показателей (по стране в целом) маскирует колоссальную дифференциацию между субъектами. Для выявления реальной асимметрии целесообразно рассмотреть стратификацию регионов по уровню их бюджетной обеспеченности.

Таблица 2 - Дифференциация финансовой автономии по группам регионов в 2023 году

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.21.2

Группа регионов по уровню бюджетной обеспеченности	Доля собственных доходов (ННД) в доходах бюджета, %	Доля межбюджетных трансфертов (МБТ) в доходах бюджета, %	Доля целевых трансфертов в общем объеме МБТ, %
Регионы-доноры (высокообеспеченные, ТОП-10)	> 90	< 10	~ 40-45
Среднеобеспеченные регионы (промышленные)	70-85	15-30	55-65
Высокодотационные регионы (реципиенты)	< 50	> 50	> 75

Примечание: рассчитано по: [16], [17]

Данные таблицы 2 демонстрируют, что формально высокая доля собственных доходов в среднем по РФ достигается за счет небольшой группы регионов-доноров (г. Москва, Тюменская область, ХМАО и др.), которые обладают значительной фискальной автономией. В то же время для большинства высокодотационных субъектов (республики Северного Кавказа, некоторые регионы Сибири и Дальнего Востока) финансовая зависимость от центра является критической. Примечательно, что даже для регионов-доноров доля целевых трансфертов в получаемой ими федеральной помощи остается значительной, что указывает на стремление центра контролировать направления использования средств даже в финансово благополучных территориях. В высокодотационных же регионах преобладание целевых трансфертов (свыше 75%) превращает их бюджеты в инструмент жесткого административного управления, практически лишая региональные власти возможности для маневра. Эта «управляемая асимметрии» является ключевой характеристикой современного этапа.

Кульминацией и юридическим оформлением предшествующей эволюции стала конституционная реформа 2020 года. Ее значение выходит за рамки отдельных поправок; она закрепила новую философию государственного устройства. Как указывалось ранее, «приоритеты бюджетной политики в области доходов... свидетельствуют о сворачивании бюджетного стимулирования и переходе бюджетно-налоговой политики к нейтральному характеру относительно регионов» [1]. Ключевым нововведением стало конституционное закрепление понятия «единая система публичной власти» (ст. 132 Конституции РФ в новой редакции). В отличие от предыдущих исследований, акцентирующих политический аспект, в данной работе предлагается правовой анализ последствий этой новации:

1. Стирание конституционной грани между государственной властью и местным самоуправлением, что теоретически позволяет федеральному центру через законы напрямую выстраивать вертикаль управления до муниципального уровня.

2. Расширение полномочий федеральных органов в сфере совместного ведения, что фактически, как показывает анализ поправок к ст. 72 и 76 Конституции, дает им право устанавливать «основы» и «общие принципы» практически по любому вопросу, предельно сужая поле для самостоятельного регулирования субъектами.

3. Закрепление приоритета российского законодательства над решениями межгосударственных органов, что изолировало российскую модель федерализма от потенциального влияния международных правовых стандартов в области региональной автономии.

Полагаем, эти изменения не являются корректировкой, а представляют собой смену парадигмы: от конституционной модели разделенной власти к модели интегрированной иерархии, где все уровни публичной власти концептуально объединены в одну систему с общим центром управления [7].

Особого внимания требует интеграция местного самоуправления (МСУ) в эту систему. Конкретные механизмы включения муниципалитетов в вертикаль власти реализуются через несколько каналов:

1. Финансовый механизм

 © Авторы статьи / Authors of the article

Муниципальные образования, особенно сельские поселения, стали еще более зависимы от региональных властей. Значительная часть налоговых доходов аккумулируется на региональном уровне, а затем распределяется вниз в виде субвенций и субсидий, часто целевых. Это создает ситуацию, когда главы муниципалитетов заинтересованы не столько в развитии собственной налоговой базы, сколько в лояльности региональному руководству для получения трансфертов.

2. Организационный механизм

Федеральный закон № 414-ФЗ [19] прямо закрепляет, что органы МСУ входят в единую систему публичной власти и взаимодействуют с органами госвласти. На практике это вылилось в усиление контроля: широкое распространение получила практика удаления глав муниципалитетов в отставку по инициативе губернаторов, а также заключение соглашений между региональными и муниципальными властями о передаче полномочий, что часто приводит к фактическому огосударствлению МСУ.

3. Нормативный механизм

Конституционный Суд РФ в своих решениях, например, в Постановлении от 01.12.2015 № 30-П, последовательно проводил линию на интеграцию МСУ в систему государственного управления, обосновывая это необходимостью решения общенациональных задач. Эта тенденция получила логическое завершение в конституционной поправке 2020 года, легитимировавшей фактически сложившуюся вертикаль. Таким образом, именно на муниципальном уровне, наиболее близком к населению, централизация проявляется наиболее остро и болезненно, лишая граждан реального влияния на решение местных вопросов.

Усиление финансово-контрольных механизмов в 2024–2025 годах. Федеральный закон от 29.11.2024 № 471-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [20] ввел дополнительные ограничения для высокодотационных регионов. В частности, расширен перечень условий предоставления межбюджетных трансфертов, установлены требования к обязательному согласованию с Министерством финансов РФ проектов региональных бюджетов и программ государственных заимствований для субъектов, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из трех последних отчетных лет превышала 40%. Данная мера, направленная на повышение эффективности расходования бюджетных средств, одновременно сужает поле финансовой дискреции региональных властей и закрепляет императивный контроль центра за бюджетным процессом на местах.

Еще одним значимым актом стал Федеральный закон от 12.12.2024 № 177-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка участия органов публичной власти в формировании органов местного самоуправления» [21]. Закон конкретизирует процедуры согласования кандидатур на должности глав местных администраций и председателей контрольно-счетных органов муниципальных образований с высшим должностным лицом субъекта РФ. Фактически он распространяет кадровую вертикаль на ключевые позиции муниципального уровня, усиливая интегрированность местного самоуправления в единую систему публичной власти и сокращая автономию муниципалитетов в кадровых вопросах.

Таким образом, именно на муниципальном уровне, наиболее близком к населению, централизация проявляется наиболее остро и болезненно, лишая граждан реального влияния на решение местных вопросов.

После 2020 года обозначенные тренды получили дальнейшее развитие.

Анализ текущей практики позволяет вычленить действующие механизмы модели, которая была обозначена во введении как «централизованный управленческий федерализм».

1. Бюджетный механизм сохраняет и усиливает тренд на централизацию финансов. Новые инструменты, такие как «бюджетные правила» для регионов и целевые федеральные программы с жесткими KPI, превращают региональные бюджеты в инструмент реализации федеральных приоритетов, а не отражение местных потребностей.

2. Кадровый механизм закреплен в законе от 31.07.2025 № 414-ФЗ, который не просто предлагает альтернативу выборам, а формализует полный контроль федерального центра: процедура наделения полномочиями в любом случае инициируется Президентом РФ. Параллельно действует система «губернаторского кадрового резерва» и регулярной оценки эффективности, что делает статус главы региона полностью зависимым от решений центра.

3. Законодательный механизм проявляется в мониторинге реестра регионального законодательства Минюста РФ, который показывает устойчивую тенденцию к снижению числа законодательных инициатив субъектов, принятых Государственной Думой, и увеличению числа протестов прокуратуры на региональные законы. Это свидетельствует о сворачивании реального, а не декларативного, нормотворчества на региональном уровне.

4. Региональная перспектива и стратегии адаптации. Было бы упрощением полагать, что региональные элиты являются лишь пассивными объектами централизации. Анализ их поведения позволяет выделить несколько стратегий адаптации к новым условиям:

- *технократическое подчинение.* Большинство губернаторов, особенно назначенных из числа федеральных чиновников или менеджеров госкорпораций, воспринимают регион как объект управления и проект. Их ключевая задача — выполнение KPI, установленных центром (по вводу жилья, инвестициям, социально-экономическим показателям). Это создает слой менеджеров, а не политиков;

- *политический торг и использование асимметрии.* Отдельные, наиболее сильные регионы (Татарстан, Чечня, Москва, Тюменская область) сохраняют потенциал для непубличного торга с центром. Инструментом торга выступает либо лояльность и стабильность (в случае с республиками Северного Кавказа), либо экономическая мощь и налоговые отчисления (регионы-доноры). Результатом такого торга становятся индивидуальные условия, особые режимы или «ручное управление» в решении конкретных проблем, что лишь усиливает фактическую асимметрию, но не ставит под сомнение систему в целом;

- *институциональная инерция и имитация.* В регионах со слабыми элитами происходит сворачивание собственной законотворческой деятельности и замена ее реализацией федеральных программ. Региональные парламенты

 © Авторы статьи / Authors of the article

превращаются в декоративные институты, а оппозиция либо отсутствует, либо носит имитационный характер. Главной стратегией выживания для таких элит становится демонстрация лояльности.

Таким образом, региональные власти, за редким исключением, не столько сопротивляются централизации, сколько адаптируются к ней, используя сохранившиеся неформальные каналы и асимметрию своего положения для защиты локальных интересов.

Для преодоления методологической ограниченности и более точной оценки уникальности российской траектории целесообразно обратиться к сравнению с двумя моделями федерализма.

Таблица 3 - Сравнительный анализ институтов федерализма в России, Германии и Индии

DOI: https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.167.21.3

Критерий сравнения	Россия (Централизованный управленческий федерализм)	Германия (Кооперативный федерализм)	Индия (Асимметричный федерализм)
Формирование верхней палаты	Назначение от исполнительной и законодательной власти регионов (делегация). Палата лояльна центру, реальное лоббирование интересов регионов минимально.	Члены Бундесрата назначаются земельными правительствами и голосуют по их инструкциям («палата земель»). Является ключевым инструментом влияния регионов на федеральную политику.	Совет штатов (Раджья Сабха) избирается косвенным путем законодательными собраниями штатов. Отражает интересы штатов, но его роль слабее, чем у Германии.
Механизмы бюджетного выравнивания	Высокая централизация доходов. Преобладание целевых трансфертов. Система «отрицательных трансфертов» для богатых регионов не развита. Цель — управляемость и контроль.	Мощная система горизонтального и вертикального выравнивания (финансовый эквивалент). Богатые земли перечисляют средства бедным напрямую, что закреплено в конституции [18, С. 215]. Цель — создание равных условий жизни.	Вертикальное разделение налоговых полномочий, рекомендации Финансовых комиссий (Finance Commissions) по распределению доходов между центром и штатами. Значительная фискальная автономия штатов [27].
Роль судебного контроля	Конституционный Суд РФ в целом поддержал централизацию, легитимировав концепцию «единой системы публичной власти». Споры о компетенции редки и часто решаются в пользу центра.	Федеральный конституционный суд Германии (BVerfG) активно защищает права земель, выступая арбитром в спорах между федерацией и землями (Bund-Länder-Streit) и обеспечивая соблюдение принципа «федеративной верности» [20].	Верховный суд Индии является активным арбитром в спорах между центром и штатами, защищая федеративное устройство и разграничение полномочий [26].
Природа асимметрии	Асимметрия — результат политического торга 1990-х, затем нивелировалась унификацией. Сегодня существует «скрытая асимметрия» как результат дифференцированной зависимости от центра.	Асимметрия минимальна, закреплена в Основном законе (например, статус Бремена, Гамбурга, Берлина как городов-земель). Доминирует принцип единобразия условий жизни.	Асимметрия — фундаментальная черта, закрепленная конституционно (особые статусы штатов Джамму и Кашмир (до 2019 г.), Нагаленд и др.). Признание этнокультурных и исторических особенностей [27, С. 102].

 © Авторы статьи / Authors of the article

Таким образом, сопоставление с германской и индийской моделями позволяет выявить специфику российского федерализма. В Германии кооперация и судебная защита прав земель создают реальную систему сдержек и противовесов. В Индии конституционная асимметрия служит инструментом учета разнообразия. В России же кооперация уступает место централизованной субординации, а асимметрия не закрепляется как устойчивый правовой механизм, а проявляется как неравенство возможностей в рамках жесткой вертикали.

Итак, современный российский федерализм, пройдя путь от дезинтеграционной асимметрии к унификации и далее к конституционной интеграции в «единую систему», эволюционировал в уникальную модель. Ее суть — в стратегической централизации всех ключевых рычагов (финансы, кадры, законодательная инициатива) при сохранении формального институционального каркаса федерации и децентрализации исполнения, что позволяет определять ее как «централизованный управленческий федерализм».

Заключение

Проведенный анализ конституционной эволюции российского федерализма позволяет сделать ряд выводов, выходящих за рамки простой констатации централизации и предлагающих ее системную интерпретацию.

1. Эволюция носила нелинейный, но целеустремленный характер, последовательно смещая баланс от политико-договорной асимметрии (1990-е) к системной административно-финансовой унификации (2000–2010-е) и, наконец, к конституционно-правовой интеграции всех уровней публичной власти (после 2020 г.). Каждый этап был реакцией на вызовы предыдущего: угроза дезинтеграции была преодолена путем демонтажа «договорного федерализма», а риски управленческой неэффективности — через создание жесткой «вертикали власти», которая в итоге была легитимирована как конституционная норма «единой системы публичной власти».

2. Современное состояние российского федерализма наиболее адекватно описывается предложенной в исследовании концепцией «централизованного управленческого федерализма». Его отличительными чертами, выявленными в ходе анализа, являются:

- стратегическая централизация ключевых прерогатив (фискальная, кадровая, нормотворческая политика) при децентрализации исполнения, ответственности и отчетности;
- трансформация формальных институтов федерализма (Совет Федерации, конституции/уставы субъектов, собственное законодательство) из инструментов разделения власти в элементы легитимации, коммуникации и административного управления в рамках единой вертикали;
- доминирование управленческих практик и внеконституционных инструментов (институт полпредов, федеральные округа как уровень контроля, система KPI для губернаторов) над классическим конституционным разграничением предметов ведения и полномочий.

При этом анализ бюджетной статистики в разрезе групп регионов показывает, что за фасадом формального равноправия скрывается глубокая и нарастающая «управляемая асимметрия», где степень свободы региона напрямую зависит от его лояльности центру и экономической значимости.

3. Сравнительный анализ подтверждает уникальность российской траектории. В отличие от германской кооперации или индийской стабильной асимметрии, российская модель основана на последовательной замене политического торга и правовой автономии на управленческую субординацию и унификацию. Российская модель игнорирует принцип «федеративной верности» как взаимного обязательства центра и регионов, заменяя его принципом административной лояльности регионов центру. Это позволяет говорить не об «имитации» федерализма, а о формировании его новой, специфической формы, где федеративная структура используется прежде всего как административно-территориальная основа для реализации политики центра.

4. Интеграция местного самоуправления в единую систему публичной власти завершила формирование вертикали, пронизывающей все уровни территории. Муниципалитеты, лишенные финансовой и организационной самостоятельности, стали низовым звеном государственного управления, что окончательно размывает конституционные основы местного самоуправления как института гражданского общества.

5. Региональные элиты, за редким исключением, демонстрируют не сопротивление, а адаптацию к централизации. Их стратегии варьируются от технократического исполнения федеральных KPI до использования сохранившихся неформальных каналов для защиты локальных интересов. Эта адаптация, однако, не ведет к восстановлению институтов федерализма, а лишь консервирует сложившуюся иерархию.

6. Перспективы и риски модели носят системный характер В краткосрочной и среднесрочной перспективе «централизованный управленческий федерализм» демонстрирует высокую эффективность в обеспечении политической стабильности, консолидации ресурсов и быстрой мобилизации. Данная логика корреспондирует положениям Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [15], исходящей из необходимости консолидации усилий органов публичной власти для защиты национальных интересов и территориальной целостности. Однако выявленные в исследовании долгосрочные риски связаны с подавлением эндогенных источников регионального развития: снижение инновационного потенциала и инвестиционной привлекательности регионов из-за угасания самостоятельности, накопление скрытых социально-экономических дисбалансов, а также возможная деградация управленческих кадров на местах в условиях отсутствия реальной политической ответственности перед местными сообществами. Таким образом, оценка централизации в российском федерализме не сводится к простой дихотомии «плохо/хорошо»: с одной стороны, она создает условия для поддержания территориальной целостности и управляемости в условиях нестабильной внешней и внутренней среды, с другой – порождает долгосрочные угрозы стагнации регионального развития и эрозии автономии.

 © Авторы статьи / Authors of the article

Итак, фундаментальный вопрос о будущем российского федерализма заключается не в возврате к модели 1990-х годов, а в способности системы развивать «управляемую асимметрию» — находить гибкие, прагматичные формы делегирования полномочий и ресурсов в рамках общей централизованной рамки, преодолевая унификацию и давая регионам и муниципалитетам пространство для инициативы, не разрушающее единство. Устойчивость государства в долгосрочной перспективе будет зависеть от того, удастся ли совместить логику управленческой эффективности и контроля с необходимостью стимулирования региональной инициативы, обеспечивая тем самым не только единство, но и динамичное, сбалансированное развитие всех составляющих страну территорий.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Балынин И.В. Совершенствование управления федеральным бюджетом в России в 2023–2025 гг. / И.В. Балынин, Т.Б. Терехова // Инновации и инвестиции. — 2023. — 4. — С. 216–222.

2. Бештоева Д.А. Особенности бюджетного федерализма в России и зарубежных странах / Д.А. Бештоева // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — 10. — С. 5429–5442.

3. Бирюков С.В. Современный федерализм: проблемы исследования и перспективы развития / С.В. Бирюков // Регионология. — 2010. — 1(70). — С. 9–18.

4. Бухвальд Е.М. Федерализм как основа национальной безопасности для России / Е.М. Бухвальд // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/federalizm-kak-osnova-natsionalnoy-bezopasnosti-dlya-rossii (дата обращения: 10.04.26).

5. Землянский Д.Ю. Устойчивость региональных бюджетов в условиях санкций в 2022–2024 годах / Д.Ю. Землянский, В.В. Климанов // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2025. — 1(66). — С. 308–316.

6. Иналкаева К.С. Государственно-правовая природа субъекта Российской Федерации (на примере Чеченской Республики) / К.С. Иналкаева. — Грозный : ФГБОУ ВО "Чеченский государственный педагогический университет", 2016. — 209 с.

7. Исаева А.Е. Бюджетный федерализм и пути его совершенствования в Российской Федерации / А.Е. Исаева // Государственная служба. — 2022. — 2(136). — С. 27–30.

8. Кожина Т.Н. Современные институционально-правовые механизмы бюджетного федерализма: сравнительный анализ / Т.Н. Кожина // Oeconomia et Jus. — 2021. — 2. — С. 38–48.

9. Корольков В.В. Муниципальная Реформа в России в контексте мировых моделей организации местного самоуправления в федеративных системах / В.В. Корольков // Сравнительное конституционное обозрение. — 2025. — 1(162). — С. 95–119.

10. Мигущенко О.Н. Единая система публичной власти как фактор национальной безопасности Российской Федерации / О.Н. Мигущенко // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2022. — 1. — С. 3–7.

11. Полозков М.Г. Экономический суверенитет регионов: векторы развития / М.Г. Полозков // Государственная служба. — 2024. — 1(147). — С. 33–43.

12. Судакова А.Е. Бюджетная централизация и децентрализация государственных финансов Российской Федерации: подходы к определению / А.Е. Судакова // Вестник Сургутского государственного университета. — 2022. — 2(36). — С. 60–69.

13. Фарукшин М.Х. Современный федерализм: российский и зарубежный опыт / М.Х. Фарукшин. — Казань : Казанский университет, 1998. — 334 с.

14. Югов А.А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — 2. — С. 16–22.

15. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» : [принят Президентом Российской Федерации 2021-07-02]. — [27-е изд]. — Москва : Собрание законодательства РФ, 2021.

16. Ежегодные отчеты об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов (2018–2024 гг.) // Министерство финансов РФ. — 2025. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/operational/analysis?ysclid=mkffn2iswm527544026 (дата обращения: 11.02.26)

17. Оперативные доклады о ходе исполнения федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Разделы, посвященные межбюджетным отношениям // Счетная палата РФ. — 2024. — URL: https://ach.gov.ru/audit/oper-2024?ysclid=mkffnxq47y734661256 (дата обращения: 11.02.26)

18. Статистические данные по форме 0503317 «Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации» // Федеральное казначейство. — 2022. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7445/31ab37803ed088f8064999f8d50d78d61a00e2f2/ (дата обращения: 11.02.26)

 © Авторы статьи / Authors of the article

19. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» : [принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 2021-12-14 : одобр. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2021-12-15]. — [52-е изд]. — Москва : Собрание законодательства РФ, 2021.

20. Федеральный закон от 29.11.2024 № 471-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» : [принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 2024-11-27 : одобр. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2024-11-27]. — [49-е изд]. — Москва : Собрание законодательства РФ, 2024.

21. Федеральный закон от 12.12.2024 № 177-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка участия органов публичной власти в формировании органов местного самоуправления» : [принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 2024-12-09 : одобр. Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2024-12-10]. — [51-е изд]. — Москва : Собрание законодательства РФ, 2024.

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 1 и 2 статьи 36 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"…» : [принят Конституционным Судом Российской Федерации 2015-12-01]. — [2-е изд]. — Москва : Вестник Конституционного Суда РФ, 2016.

23. Günter T. German Cooperative Federalism / T. Günter // Comparative Federalism: A Systematic Inquiry. — 2022. — 2. — P. 210–235

24. Singh M.P. Indian Federalism: An Introduction / M.P. Singh, R Saxena. — New Delhi : National Book Trust, 2021. — 285 p.

25. Halberstam D. German Federal Constitutional Court and the Federal Balance / D. Halberstam // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. — 2012. — 1. — P. 789–812.

26. Bhattacharyya H. Federalism in Asia: India, Pakistan, Malaysia, Nepal and Myanmar / H. Bhattacharyya // Routledge. — 2021. — 2. — P. 98–125.

27. Tillin L. Asymmetric Federalism / L. Tillin. — London : The Routledge Handbook of Indian Politics, 2021. — 416 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Baly'nin I.V. Sovershenstvovanie upravleniya federal'ny'm byudzhetom v Rossii v 2023–2025 gg. [ImprovingFederalBudgetManagementinRussiain2023–2025] / I.V. Baly'nin, T.B. Terexova // Innovationandinvestment. — 2023. — 4. — P. 216–222. [in Russian]

2. Beshtoeva D.A. Osobennosti byudzhetnogo federalizma v Rossii i zarubezhnikh stranakh [Features of Fiscal Federalism in Russia and Foreign Countries] / D.A. Beshtoeva // Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo [Economics, Entrepreneurship and Law]. — 2024. — 10. — P. 5429–5442. [in Russian]

3. Biryukov S.V. Sovremenny'j federalizm: problemy' issledovaniya i perspektivy' razvitiya [Modern Federalism: Research Problems and Development Prospects] / S.V. Biryukov // Regional Sudies. — 2010. — 1(70). — P. 9–18. [in Russian]

4. Buxval'd E.M. Federalizm kak osnova nacional'noj bezopasnosti dlya Rossii [Federalism as the Basis of National Security for Russia] / E.M. Buxval'd // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. — 2018. — 1. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/federalizm-kak-osnova-natsionalnoy-bezopasnosti-dlya-rossii (accessed: 10.04.26). [in Russian]

5. Zemlyanskij D.Yu. Ustojchivost' regional'ny'x byudzhetov v usloviyax sankcij v 2022–2024 godax [Sustainability of regional budgets under sanctions in 2022–2024] / D.Yu. Zemlyanskij, V.V. Klimanov // Journal of the New Economic Association. — 2025. — 1(66). — P. 308–316. [in Russian]

6. Inalkaeva K.S. Gosudarstvenno-pravovaya priroda subekta Rossiiskoi Federatsii (na primere Chechenskoi Respubliki) [The state-legal nature of a subject of the Russian Federation (on the example of the Chechen Republic)] / K.S. Inalkaeva. — Groznii : FGBOU VO "Chechenskii gosudarstvennii pedagogicheskii universitet", 2016. — 209 p. [in Russian]

7. Isaeva A.E. Byudzhetny'j federalizm i puti ego sovershenstvovaniya v Rossijskoj Federacii [Budgetary federalism and ways of its improvement in the Russian Federation] / A.E. Isaeva // Public Service. — 2022. — 2(136). — P. 27–30. [in Russian]

8. Kozhina T.N. Sovremenny'e institucional'no-pravovy'e mexanizmy' byudzhetnogo federalizma: sravnitel'ny'j analiz [Modern institutional and legal mechanisms of budgetary federalism: a comparative analysis] / T.N. Kozhina // Oeconomia et Jus.. — 2021. — 2. — P. 38–48. [in Russian]

9. Korol'kov V.V. Municipal'naya Reforma v Rossii v kontekste mirovy'x modelej organizacii mestnogo samoupravleniya v federativny'x sistemax [Municipal reform in Russia in the context of world models of organizing local self-government in federal systems] / V.V. Korol'kov // Comparative Constitutional Review. — 2025. — 1(162). — P. 95–119. [in Russian]

10. Migushhenko O.N. Edinaya sistema publichnoj vlasti kak faktor nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Unified System of Public Authority as a Factor of National Security of the Russian Federation] / O.N. Migushhenko // Municipal Service: Legal Issues. — 2022. — 1. — P. 3–7. [in Russian]

11. Polozkov M.G. E'konomicheskij suverenitet regionov: vektory' razvitiya [Economic sovereignty of regions: development vectors] / M.G. Polozkov // Public Service. — 2024. — 1(147). — P. 33–43. [in Russian]

12. Sudakova A.E. Byudzhetnaya centralizaciya i decentralizaciya gosudarstvenny'x finansov Rossijskoj Federacii: podxody' k opredeleniyu [Budgetary centralization and decentralization of state finances of the Russian Federation: approaches to definition] / A.E. Sudakova // Bulletin of Surgut State University. — 2022. — 2(36). — P. 60–69. [in Russian]

 © Авторы статьи / Authors of the article

13. Farukshin M.Kh. Sovremennii federalizm: rossiiskii i zarubezhnii opit [Modern federalism: Russian and foreign experience] / M.Kh. Farukshin. — Kazan : Kazanskii universitet, 1998. — 334 p. [in Russian]

14. Yugov A.A. Edinaya sistema publichnoj vlasti: ponyatie i obshhaya xarakteristika [Unified system of public authority: concept and general characteristics] / A.A. Yugov // Constitutional and Municipal Law. — 2022. — 2. — P. 16–22. [in Russian]

15. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii natsionalnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation»] : [accepted by President of the Russian Federation 2021-07-02]. — [27 edition]. — Moscow : Sobranie zakonodatelstva RF, 2021. [in Russian]

16. Yezhegodnie otcheti ob ispolnenii konsolidirovannikh byudzhetov subektov Rossiiskoi Federatsii i mestnikh byudzhetov (2018–2024 gg.) [Annual Reports on the Execution of the Consolidated Budgets of the Constituent Entities of the Russian Federation and Local Budgets (2018–2024)] // Ministry of Finance of the Russian Federation. — 2025. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/operational/analysis?ysclid=mkffn2iswm527544026 (accessed: 11.02.26) [in Russian]

17. Operativnie dokladi o khode ispolneniya federalnogo byudzheta i byudzhetov gosudarstvennikh vnebyudzhetnikh fondov. Razdeli, posvyashchennie mezhbyudzhetnim otnosheniyam [Operational reports on the implementation of the federal budget and budgets of state extra-budgetary funds. Sections on interbudgetary relations] // Accounts Chamber of the Russian Federation. — 2024. — URL: https://ach.gov.ru/audit/oper-2024?ysclid=mkffnxq47y734661256 (accessed: 11.02.26) [in Russian]

18. Statisticheskie dannie po forme 0503317 «Otchet ob ispolnenii konsolidirovannogo byudzheta subekta Rossiiskoi Federatsii» [Statistical data on Form 0503317 "Report on the Execution of the Consolidated Budget of a Constituent Entity of the Russian Federation"] // Federal Treasury. — 2022. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7445/31ab37803ed088f8064999f8d50d78d61a00e2f2/ (accessed: 11.02.26) [in Russian]

19. Federalnii zakon ot 21.12.2021 № 414-FZ (red. ot 28.12.2025) «Ob obshchikh printsipakh organizatsii publichnoi vlasti v subektakh Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 (as amended on December 13, 2024) "On General Principles of the Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation"] : [accepted by State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 2021-12-14 : approved by Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 2021-12-15]. — [52 edition]. — Moscow : Sobranie zakonodatelstva RF, 2021. [in Russian]

20. Federalnii zakon ot 29.11.2024 № 471-FZ «O vnesenii izmenenii v Byudzhetnii kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdelnie zakonodatelnie akti Rossiiskoi Federatsii» [Federal Law No. 471-FZ of November 29, 2024 «On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»] : [accepted by State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 2024-11-27 : approved by Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 2024-11-27]. — [49 edition]. — Moscow : Sobranie zakonodatelstva RF, 2024. [in Russian]

21. Federalnii zakon ot 12.12.2024 № 177-FZ «O vnesenii izmenenii v otdelnie zakonodatelnie akti Rossiiskoi Federatsii v chasti utochneniya poryadka uchastiya organov publichnoi vlasti v formirovanii organov mestnogo samoupravleniya» [Federal Law No. 177-FZ of December 12, 2024 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Clarification of the Procedure for Participation of Public Authorities in the Formation of Local Self-Government Bodies»] : [accepted by State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 2024-12-09 : approved by Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 2024-12-10]. — [51 edition]. — Moscow : Sobranie zakonodatelstva RF, 2024. [in Russian]

22. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 01.12.2015 № 30-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei 4, 5 i 5.1 stati 35, chastei 1 i 2 stati 36 Federalnogo zakona "Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii"…» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.12.2015 No 30-P "On the case of checking the constitutionality of parts 4, 5 and 5.1 of Article 35, parts 1 and 2 of Article 36 of the Federal Law "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation"..."] : [accepted by Constitutional Court of the Russian Federation 2015-12-01]. — [2 edition]. — Moscow : Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF, 2016. [in Russian]

23. Günter T. German Cooperative Federalism / T. Günter // Comparative Federalism: A Systematic Inquiry. — 2022. — 2. — P. 210–235

24. Singh M.P. Indian Federalism: An Introduction / M.P. Singh, R Saxena. — New Delhi : National Book Trust, 2021. — 285 p.

25. Halberstam D. German Federal Constitutional Court and the Federal Balance / D. Halberstam // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law. — 2012. — 1. — P. 789–812.

26. Bhattacharyya H. Federalism in Asia: India, Pakistan, Malaysia, Nepal and Myanmar / H. Bhattacharyya // Routledge. — 2021. — 2. — P. 98–125.

27. Tillin L. Asymmetric Federalism / L. Tillin. — London : The Routledge Handbook of Indian Politics, 2021. — 416 p.